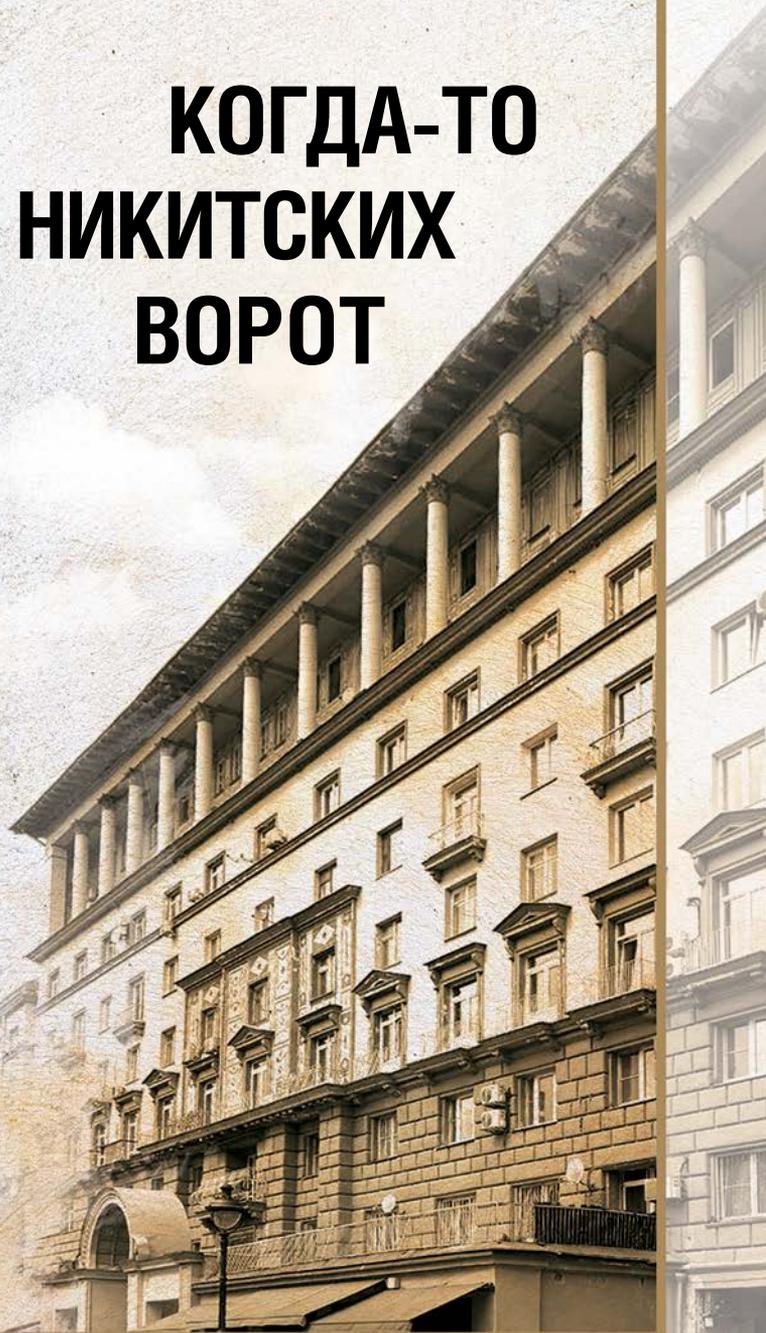

КОГДА-ТО У НИКИТСКИХ ВОРОТ

Сергей Винник

Сергей Винник

КОГДА-ТО У НИКИТСКИХ ВОРОТ

БОСТОН • 2025 • BOSTON

Сергей Винник

Когда-то у НИКИТСКИХ ВОРОТ

Sergey Vinnik

Once Upon a Time at the Nikitsky Gates

Copyright © 2025 by Sergey Vinnik

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 979-8-89814-548-4

Proofreading by Julia Grushko

Book Design and Layout by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Cover Photo by Nikolay Schurov

Printed in the United States of America

Содержание

Назову его Антон

Предисловие	7
Начало взрослой жизни	8
Соседи	12
Байдарочный поход	14
Эстонские мотивы	20
Киноэкспедиция	30
Второй курс, начало	43
Клуб туристов на Плющихе	47
По стопам Джека Лондона	52
«Театральный роман»	64
«Театральный роман», продолжение	69
Весенние развлечения	72
Первый стройотряд	75
«Здесь вам не равнина...»	79
Осень наступила	86
Немного о личном	91
Третий курс института	94
Второй стройотряд на КАМАЗе	99
Комиссарские будни	106
Без названия	114

В поисках приключений	117
Лето 75-го. Сплошные приключения	120
«Утро начинается с рассвета»	125
Театральные гастроли	128
Пятый курс института	134
О любви и дружбе (заключительная)	137
Эпилог	140
Заветы Ильича	141
Качалова, 16.	151

Назову его Антон

Моим друзьям...

Предисловие

Прежде чем начинаешь что-нибудь писать, хочется всё-таки понять — зачем? Ведь прошла чёртова уйма лет, столетие сменилось, и даже тысячелетие уже не то. Нет той страны, в которой всё описанное происходило. Это можно сравнить с воспоминаниями обитателя Атлантиды, которая давно утонула. Остались кое-где на островах её бывшие жители, пытаются как-то приспособиться к новым обстоятельствам. А потом приходит новая волна, сметает все эти остатки к едрёной фене. И некому становится вспоминать.

Начало взрослой жизни

Итак, год 1972-й, позади первый курс института связи, куда Антон угодил без экзаменов — хватило баллов после вступительных на физфак МГУ. Институт скромный, но так получилось: в МИФИ не прошёл медкомиссию, а в МГУ схватил трояк по письменной математике. Да и факультет, как говорят, «не фонтан» — телефонные станции и факсимильная связь. Это впоследствии он неожиданно превратится в компьютерные сети и вдруг окажется на острие интернет-технологий. Но пока про это и речи нет, впереди изучение шаговых искателей и координатных соединителей. Зато учиться легко, запаса, полученного в спецматшколе, а главное — навыка самообучения оттуда же, достаточно для повышенной стипендии. В результате масса времени остаётся на долгожданную студенческую жизнь: турпоходы в любое время года, преферанс и дружеские вечеринки со школьными друзьями, оказавшимися вдруг чем-то большим, чем просто соседями по парте. Но к друзьям вернёмся позже.

На первом курсе обычный набор предметов технического вуза: физика, матанализ, черчение, история КПСС, физкультура. И ещё множество девушек в группе, аж глаза разбегаются. В выпускном классе в матшколе из тридцати четырёх учащихся было всего четыре девицы, причём одна из них была подругой старосты класса Шурика, так что интерес Антона к женскому полу вполне объясним. Но ощущение, что всё только начинается, не позволяет пока сосредоточить внимание на каком-либо постоянном объекте. Да и побаивается девиц наш герой, не готов ещё к серьёзным отношениям.

Зато в учёбе никаких проблем. На зимней сессии математик мучил задачками неопытного Антона часа два и только потом поставил заслуженную «отлично». Лет через десять он признается в частном разговоре, что просто ловил кайф от

его ответов. Ещё через шестнадцать лет он будет готовить младшую дочку Антона ко вступительным экзаменам. Но это не скоро. Черчение, или «начерталка», тоже идёт на ура. Недаром Антон во всех школах, где пришлось учиться, рисовал плакаты про дружбу народов и всяческие лозунги на ватмане, плакатным пером, в качестве общественной нагрузки. Вот и пригодилось. И даже позволяет теперь подработать на чертежах к дипломным проектам. С историей КПСС и прочими философиями странное дело: на всех экзаменах попадает вопрос о трёх источниках и трёх составных частях марксизма. Это началось со школьных выпускных и будет преследовать Антона до кандидатского минимума. Один раз выучил — и вопрос закрыт. Про физику и говорить нечего. Любимый предмет был в школе. А радиолюбительство, которым Антон заболел классе в седьмом, подхватив эту заразу от давнего товарища Серёги, позволило пристроиться на втором семестре на кафедре электропитания, очень им пришлись по душе печатные платы его дизайна. И Антон был рад дополнительному доходу, кафедра платила по договору аж целых тридцать пять рублей в месяц. Стипендию Антон отдавал маме, а сам гулял на заработанные, хватало и на билет в театр, и на бутылочку «Киндзмараули», да и на такси после преферанса или дружеской посиделки по причине позднего времени, когда метро уже не работает.

На походах нужно остановиться особо.

В первый в жизни турпоход Антон попал осенью, в начале десятого выпускного класса. Вылазку на природу организовал учитель математики знаменитый Ник Ник. Целью путешествия был неведомый Антону посёлок по Волоколамскому направлению. В походе участвовал весь класс вместе с классным руководителем историком Исаевым по кличке Колобок. До места назначения добрались довольно быстро: сначала на электричке, а потом несколько километров пешком. Остановились у опушки леса на каком-то лужке, когда уже начинало темнеть. Поставили брезентовые палатки. Разожгли костёр. Начали что-то готовить. Антон достал из рюкзака бутерброды и положил их в общую кучу припасов на расстеленной клеёнке.

Перекусили. В котелке заварили чай.

Когда стемнело, Ник Ник достал гитару-семиструнку и запел «Контрабандистов». Кто знал слова — подпевали. Антон услышал песню впервые. Потом пришёл черёд песни про психа, эту он уже знал. Когда историк ушёл спать, спели и про учителя обществоведения, там, где «Вундеры и киндеры просто замучили...». Потом два друга отозвали Антона в сторонку, за кусты. В руках у одного отсвечивала тёмным стеклом винная бутылка.

— Будешь?

— Не откажусь.

— Держи.

Глотнул из горла, по вкусу вроде портвейн. Друзья закурили. Антон тогда не курил. Постоял так, со всеми. Из-за кустов доносилась песенка про парашюты.

— Ну что, пошли в компанию?

— Пошли.

Незаметно присоединились к остальным. От выпитого Антона быстро сморило, он ужом заполз в ближайшую палатку и отрубился.

Утро принесло не только холодок за ворот, но и ощущение жажды с лёгким похмельем. Было рано, только рассвело. Все ещё спали. Вылезая по нужде из палатки, Антон чуть носом не воткнулся в разместившуюся у выхода коровью лепёшку. Он огляделся внимательнее — таких лепёшек вокруг было довольно много, на некоторых уже отпечатались следы походной обуви. В одной навозной куче торчала пустая бутылка из-под портвейна. Вероятно, лужок местные жители использовали как пастбище.

По пути к кустам, обозначенным как «мальчики налево, девочки направо», Антон обнаружил ещё одну неприятность. Болели ноги, стёртые на пешем участке похода. По неопытности Антон обулся в новые китайские кеды, совсем не подходящие для дальних путешествий с рюкзаком, и теперь ноги жгло, как крапивой, а на пятках начали образовываться пузыри.

Обратный путь показался Антону каторгой. В дополнение ко всему возвращаться решили через Нахабино, где больше электричек на Москву. Это удлинило путь километров на десять. Ребята шли по пустынному шоссе, вытянувшись

в небольшую неорганизованную колонну по три-четыре человека. Чтобы было веселее идти, кто-то запел Высоцкого: «По выжженной равнине, за метром метр, идут по Украине солдаты группы Центр...». Антон сначала едва тащился за всеми. Казалось, что кожа на пятках облезла, и жгло уже всю ступню, но потом постепенно втянулся в общий ритм, начал подпевать: «На первый-второй рассчитайсь! Первый-второй!». Даже про мозоли забыл. Вот, наконец, и станция. Дошли.

Перед следующим походом, куда-то на Можайское водохранилище, Антон отправился в магазин «Спорттовары» на Красную Пресню и купил отличные польские туристические ботинки «двойной вибрам», которые прослужили ему много лет. Да, лет пять, наверное.

Но вернёмся в год 1972-й.

Соседи

По соседству с институтом связи, где учился теперь Антон, находились корпуса другого, по своим размерам более внушительного, института Энергетического. Сокращённо МЭИ. МЭИ занимал, как, впрочем, и сейчас, обе стороны Красноказарменной улицы, да ещё и углублялся в соседние переулки своими общежитиями и зданием клуба. И вот, по счастливому стечению обстоятельств, в МЭИ на факультет электронной техники поступили два его одноклассника — староста класса Шурик и Кеша. Иннокентий.

Кеша был высокий, стройный, симпатичный, с красивыми еврейскими глазами и длинными ресницами, играл на гитаре и нравился девушкам. На Антона девушки внимания не обращали. Да и на школьном уроке физкультуры в шеренге по росту они с Шуриком вставали на противоположном от Кешы конце. Однажды на шутовое Антоново «Почему меня девушки не любят» Кеша грустно ответил, что ему ещё хуже, мол проходу не дают с тринадцати лет. Антон, озадаченный таким поворотом, не нашёлся, что ответить.

Вряд ли стоит удивляться, что Антон зачастил к друзьям в МЭИ, используя для прохода мимо вузовской охраны собственный студенческий билет и врожденную любовь к авантюрам. После занятий можно было пообщаться, сходить «по пиву» на Солдатскую, в общем, насладиться нахлынувшей свободой.

Нужно заметить, что как раз в то время в цокольном этаже Энергетического открылась столовая будущего, где кофе, салаты, бутерброды, булочки и прочую снедь продавали автоматы. Автоматы занимали три стены помещения и исправно выдавали товар после оплаты. Сквозь их стёкла, в глубине, были видны работники столовой, готовящие бутерброды и перезаряжающие лотки с булочками. В середине зала располагались столы и лёгкие стулья для посетителей.

Стоило всё недорого, и Антон часто забегал туда перекусить, а заодно и навестить друзей на лекции. Так он познакомился с большей частью Кेशиной группы и был в курсе всех студенческих новостей.

В институте связи в одной группе с Антоном оказался ещё один соратник по матшколе по прозвищу Киса. Киса, как и положено кошачьим, был сам по себе, процессом обучения интересовался мало, большую часть времени проводил в потаённых местах учебного корпуса за преферансом, в конце первого курса оформил академический отпуск, а потом и вовсе перевёлся в другой вуз. Антон с друзьями как-то побывал у Кисы дома, в высоком доме на проспекте Мира, этаже то ли на восьмом, то ли на десятом. Отмечали школьный «последний звонок». Гости с хозяином бестолково побузили, послушали новые записи Высоцкого, потрепались, как водится, выпили две-три бутылки сухого на всех. Развеселившись не в меру, разрезали на лоскуты серый форменный пиджак хозяина — школьная форма всем давно осточертела. А потом Киса решил замести следы перед приходом родителей и, недолго думая, отправил пустые бутылки в форточку. Антон, сам живший на седьмом этаже, офигел от такого разгильдяйства и хотел выглянуть, не прибило ли кого бутылкой. Но через стекло ничего не было видно. Позже, выйдя из подъезда, он увидел эти бутылки, лежащие целёхонькими рядком на клумбе под окнами, и только тогда успокоился. А в целом отношения у Антона с Кисой были хорошие, тот даже предлагал научить Антона преферансу и обещал стипендию половину выигранных у обучаемого денег. Но Антон гордо отказался играть — в преф он уже умел и без Кисы.

Антон Кису жалел. Со школы Антон знал, что у Сашки серьёзные проблемы с почками, что он освобождён от армейской службы, и этим объясняется желание взять от жизни всё. А Кисой его называли в честь незабвенного Ипполита Матвеевича Воробьянинова за любовь к цитированию романов Ильфа и Петрова.

Байдарочный поход

В конце первого курса бывшие одноклассники, сохранившие взаимное притяжение и симпатию, несмотря на нахлынувшие на них новые впечатления в вузах, решили на майские праздники пойти в байдарочный поход по реке Наре. К удивлению Антона, собрался почти весь его бывший класс, да ещё и несколько девочек из параллельного. Байдарки у Антона не было, но проблема разрешилась быстро. Татьяна, одна из вышеупомянутых девушек, обещала взять проверенную родительскую байдарку, а в качестве матросов выбрала Кешу и Антона. Иннокентий с Антоном сказали, что в ближайшие выходные подьедут к Тане посмотреть судно и при необходимости подремонтировать.

В соответствии с договорённостью, в воскресенье Кеша и Антон приехали к Татьяне, в один из переулков около Смоленской площади, между Садовым кольцом и Плющихой. Она жила в двухэтажном особняке в несколько квартир с уютным двориком, какими славится этот район старой Москвы. Стояла солнечная апрельская погода. Тяжёлый брезентовый чехол со сложенной байдаркой они вытащили во двор дома и начали собирать лодку, чтобы убедиться, что все детали в наличии и подходят друг к другу. Антон никогда ранее с байдарками дела не имел, поэтому с интересом занялся изучением незнакомой конструкции.

В процессе осмотра выяснилось, что к ним в руки попала трёхместная байдарка типа «Ладога», производство которых прекратилось лет за пять до описываемых событий. Для непосвящённых: байдарки такого типа состояли из дюралевого сборного каркаса с деревянными планками фальшборта и брезентового прорезиненного корпуса, который натягивался на каркас в процессе сборки. При этом плавучесть судна определяется состоянием резинового покрытия этого корпуса, в просторечии шкуры, наличием в ней дырок,

потёртостей и количеством резиновых же заплаток от прежних пробоин. Судя по виду имеющегося экземпляра, данная байдарка прошла достойный путь по рекам родины и собиралась на заслуженный отдых. Но других вариантов не было, поэтому Антон под руководством Кешы начал зачищать наждачной бумагой наиболее сомнительные места шкуры, а сам Иннокентий размазывал по ним резиновый клей и устанавливал заплатки, вырезанные из старой велосипедной камеры. К концу дня работа была закончена, байдарка собрана обратно в чехол с лямками, похожий на длинный рюкзак, и готова к новому путешествию.

На майские праздники (День международной солидарности трудящихся) выпало четыре выходных: суббота с воскресеньем плюс два праздничных дня. Сбор объявили на Киевском вокзале в восемь утра под часами. К назначенному времени на месте сбора образовалась внушительная куча из байдарочных упаковок, рюкзаков и прочего снаряжения. Вокруг стояли оживлённые молодые люди в штормовках и куртках, кое-кто покуривал в сторонке. По команде Шурика, который появился с новой девушкой, студенткой из его институтской группы по имени Марина, все надели рюкзаки и байдарочные тюки на плечи и двинулись к электричке на Наро-Фоминск. С упаковками на плечах и рюкзаками, надетыми спереди, ребята были похожи на десантников-парашютистов. Так, по крайней мере, подумал Антон. Он шагал рядом с Кешей, который, кроме байдарки, нёс ещё и гитару в чехле из оранжевой детской клеёнки.

Путь до Наро-Фоминска пролетел быстро. В вагоне было не протолкнуться, москвичи дружно отправились на дачи и огороды. Для них начинался дачно-каторжный сезон. Приехали, выгрузились и зашагали вниз к реке, где около Нары был удобный лужок для сборки байдарок. Собирали долго, не хватало опыта. У всех, кроме команды Антона, оказались более современные двухместные «Салюты». Потом решили подкрепиться взятыми на дорогу бутербродами. Остальные продукты и одежду увязали в специальные непромокаемые мешки из детской клеёнки. Наконец, собрались, побросали шмотки в байдарки, взяли в руки длинные двухлопастные вёсла и отплыли, весело переключаясь и перегоняя друг дру-

га. Спустя некоторое время байдарки с экипажами выстроились гуськом, или, говоря морским языком, в кильватерную колонну, и гребцы налегли на вёсла, стараясь грести равномерно. Впереди был долгий путь.

Антон с веслом сидел впереди, Кеша на корме, рулевым и загребаящим. Татьяну в качестве пассажира усадили в средку. Обязанность Антона состояла в обнаружении препятствий и передаче команд «лево руля!» или «право руля!» Кеше. Мимо медленно проплывали окраины Наро-Фоминска, водокачка, какие-то сараи и гаражи, берега, заросшие камышом и крапивой. Из воды то там, то тут торчали старые сваи. Надо было смотреть в оба, чтобы не проткнуть ненароком шкуру байдарки. Впереди показался высокий пешеходный мост, на котором собралась местная ребятня, с интересом наблюдающая за проходящим под ними строем байдарок. Они что-то кричали и размахивали руками. Когда на подошедшую к мосту байдарку Антона с моста обрушился град комьев земли и шишек, стало понятно, почему так возбуждены местные пацаны. У них открылся сезон охоты на туристов. На какое-то время Антон, прикрывая голову рукой, отвлёкся от своих лоцманских обязанностей, и в то же мгновение лодка налетела на ржавую металлическую трубу, торчащую снизу из воды. Байдарка стала быстро наполняться водой.

— Гроби к берегу! Тонем! — заорал Антон Кеше, и они, резко повернув влево, изо всех сил навалились на вёсла. Татьяна пыталась вычерпывать быстро прибывающую воду руками. Хорошо ещё, что берег был недалеко. Высадив даму на твёрдую землю и стоя по пояс в воде, Кеша и Антон выбросили на берег вёсла и упаковки с вещами, чтобы облегчить затонувшее судно, а потом, взявшись один за корму, а второй — за нос байдарки, перевернули её дном вверх, чтобы вылить воду, и на «раз-два!» вытащили из воды и вылезли мокрые сами. Вокруг вертелись и пытались помочь пацаны с моста — косвенные виновники крушения. Антон удивился внезапной отзывчивости местных, но заодно приглядывал, чтобы «помощники» чего-нибудь не спёрли. Тут и ближайšie экипажи подошли на выручку.

Осмотр судна показал, что в корпусе от столкновения образовалась прореха длиной сантиметров в тридцать вдоль

правого переднего стрингера. О ремонте на месте нечего было и думать, поэтому, посоветовавшись с остальными, решили искать ближайшее место, пригодное для стоянки, а повреждённую байдарку тащить до него на руках по берегу. Быстро распределили мокрые мешки по другим лодкам, двое ребят покрепче — Мишка и Серёга — остались в помощь потерпевшим, Татьяну посадили на освободившееся Мишкино место, и байдарки ушли вдогонку за остальными. Нужно было сообщить о происшествии и найти место для привала.

Кеша взялся за нос байдарки, Мишка с Сергеем — за борта, Антону достался хвост, или, по морской терминологии, корма. Дружно подняли лодку и зашагали по узкой, заросшей камышами и осокой, скользкой дорожке вдоль реки. Шли молча и быстро. Антон болтался сзади, ощущая свою ненужность и стараясь держаться за лодку, но та всё время вырывалась из рук, увлекаемая вперёд более рослыми носильщиками. В сапогах хлюпала вода. Мимо мелькали какие-то кустарники, болотца, но ничего похожего на стоянку не появлялось. Так продолжалось минут сорок, и Антон уже весь сопел от выбранного ребятами темпа, когда, наконец, перед ними открылась долгожданная поляна с давно поджидавшими их остальными путешественниками. Там шла подготовка к ночлегу, вытаскивали на берег байдарки, разбирали вещи, разжигали костёр, кое-кто уже ставил палатки. Появившуюся из-за кустов группу во главе с Кешей встретили приветственными возгласами. Новоприбывшие уложили повреждённую байдарку в ряд к остальным, перевернув её вверх дном, чтоб подсохла, и вместе со всеми занялись устройством лагеря для ночлега. Антон отправился в ближайший лесок за хворостом.

Через некоторое время, когда над костром уже закипала вода в подвешенных на стальном тросике котелках, одном с начищенной картошкой, а втором для чая, в установленных палатках разложены спальные мешки, а народ с эмалированными кружками в руках собрался вокруг Шурика, чтобы принять внутрь «для сугрева» по порции разведённого спирта, из-за поворота реки появилась новая группа из трёх байдарок. Байдарки прошли мимо лагеря и причалили

к противоположному берегу немного ниже по течению. Их экипажи высадились на берег и разбирали вещи, было видно, что они собираются там заночевать. Антон отметил, что все туристы из прибывшей группы — две женщины и четверо мужчин — значительно старше его сверстников. Им было, наверное, уже за сорок. Он удивился, что и в таком возрасте ещё ходят в походы на байдарках. Тут Кеша, приглядевшись повнимательнее к одному из туристов на другом берегу, неуверенно сообщил остальным:

— Мне кажется, у них там Визбор.

Кешино заявление не вызвало ответной реакции, хотя песню Юрия Визбора про горы они этим утром пели в электричке. Антон вообще не знал его в лицо, фильм «Семнадцать мгновений весны» выйдет только в будущем году. Один Кеша был, что называется, в теме, он изучил уже многих самодеятельных авторов, и его песенный репертуар постоянно расширялся.

Тут девушки сообщили, что ужин готов. Все собрались к костру, ставшему вдруг особенно уютным в наступающих сумерках, и приступили к трапезе — тушёнке с картошкой, весело обсуждая приключения первого походного дня. В честь наступающего праздника открыли запасённую для девушек бутылку шампанского. Когда в бутылке оставалась половина, Шурик вспомнил про знаменитый коктейль полярников «Северное сияние» — водка пополам с шампанским. Желающие, в том числе и Антон, без промедления его и опробовали, только в походных условиях заменили водку неразведённым спиртом. Получилось крепковато, но в апрельской ночной прохладе вполне к месту. Позже, чтобы не замёрзнуть, уложили в параллель два бревна в костре ночью, которая может гореть всю ночь, только надо время от времени поддвигать брёвна.

Закончив с тушёной, перешли на чай, круто заваренный прямо в котелке. Вот и Кеша, перекурив, наконец достал из чехла гитару, подстроил её и, покосившись на противоположный берег, запел вполголоса: «Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой...». Антон дождался второго куплета и тоже начал тихонько подпевать, стараясь не слишком удаляться от мелодии: «Нас провожает с тобой гордый красавец

Эрцог, нас ожидает с тобой марево дальних дорог». В лагере на другом берегу было тихо, только мерцал и подмигивал красный отсвет костра.

Наутро, встав пораньше, Антон с Кешей зашили прореху в байдарке толстой капроновой ниткой и заклеили её, как положено, снаружи, чёрной резиновой заплатой. К сожалению, в корпусе байдарки оказалось ещё много старых дефектов, и на протяжении всех оставшихся дней похода приходилось постоянно вычерпывать кружкой медленно проникающую внутрь лодки воду. На четвёртый день без приключений достигли конечного пункта маршрута — автобусной остановки у шоссе моста, откуда можно было доехать до железной дороги и дальше до Москвы. Пока ждали автобуса, Мишка по прозвищу Крокодил на спор высосал через дырочку последнюю оставшуюся банку сгущёнки. На вокзале в Москве все весело распрощались и разъехались по домам. Как потом оказалось, это был последний совместный поход бывших одноклассников.

Качалова, 16

Многие здания Москвы оказались в нашей литературе действующими персонажами. Благодаря Юрию Трифонову все знают «Дом на набережной» — серую глыбу у кинотеатра «Ударник», которая направлена своим углом-форштевнем поперёк течения реки на крепостные укрепления Кремля. Каждый подъезд здесь украшен несколькими мемориальными досками, напоминающими о государственных деятелях прошлого века. Угловую башенку — «Капитанский мостик» — занимал в доме антигерой финского народа Куусинен.

Почитателям Василия Аксёнова, Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского хорошо знакома высотка на Котельнической — обитель литераторов, генералов и академиков как в былые времена, так и сейчас. Апофеоз сталинской архитектуры и зримое воплощение пролетарской идеологии: барельефы и скульптуры со знамёнами, снопами, плодами и другими символами вождя, но так и не достигнутого продуктового изобилия.

Есть также знаменитый дом на Большой Садовой рядом с Патриаршими прудами, но на нём вообще никаких мемориальных надписей не найдёте, только стены в полутёмном подъезде разрисованы весьма подозрительным граффити.

На фоне этих замечательных строений светло-жёлтый многоэтажный нарядный дом на улице актёра Качалова, бывшей Малой Никитской, переименованной впоследствии в Малую же Никитскую, кажется незаслуженно позабытым.

А ведь и он повидал на своём веку немало известных, иногда исторических личностей. Попробую по мере сил восстановить справедливость.

Дом расположен в самой середине улицы (буду называть её привычным мне именем Качалова) на чётной, как вы сразу догадались, стороне. Слева от дома находится посольство Лаоса, куда однажды во время прогулки забежала наша собачка Джолли. В результате мне, с разрешения постового милиционера, пришлось вторгнуться на суверенную территорию и экстрадировать беглянку обратно в СССР. Нарушение границы осталось без последствий.

Форма дома, если смотреть сверху, более всего напоминает строчную латинскую «h», расположенную длинной палочкой вдоль улицы. Фасад дома украшен колоннами на уровне трёх верхних этажей и красно-вишнёвым орнаментом вокруг колонн.

Над первым, выступающим вперёд этажом, занятом аптекой и «Букинистом», обширный балкон, огороженный фигурной балюстрадой. Ранее подобные ограды были на всех остальных квартирных балконах, но от времени их материал потрескался и грозил обвалиться на голову прохожим. Поэтому лепные детали во время очередного ремонта снимали и заменили обычной прочной металлической решёткой. После этого мне наконец разрешили выходить на балкон и смотреть праздничный салют. В сумерках разноцветные фонтаны салютных огней по единой команде расцвели по всему горизонту, и оттуда, издали, слышалось грозное эхо залпов.

Других высоких строений поблизости не наблюдалось, поэтому с верхних этажей дома открывалась вся панорама Москвы, ориентироваться в которой помогали силуэты высоток: отдалённой на Смоленской, близкой на площади Восстания, Университета на Ленинских горах в голубой дымке, гостиницы «Пекин» на севере и далёкого шпиля Останкинской телебашни, нарушавшего законы перспективы из-за своей сказочной высоты. Всё остальное пространство было занято крышами разной высоты и формы, а также тёмными днём и светящимися вечером окнами квартир. Много позже на этом самом балконе будет рождён мой первый поэтический опус:

Сверху всё видно по-новому, сверху мне ближе земля.
Городу синему, тёмному руку протягивал я.
Уснули Никитские, Бронные, Патрики и Арбат.
Лишь за немногими окнами люди ещё не спят,
Празднуют или тревожатся, жгут понапрасну свет.
Лучше пройдите по городу, он вам подскажет ответ.

Ранним утром сбоку, вдоль широкого фасада дома, ветерок доносил музыку курантов Спасской башни. Кремль недалеко, в трёх троллейбусных остановках, но из дома его не видно, потому что в боковых стенах-брандмауэрах окна не предусмотрены.

Дом окружён полосой газонов и палисадников. В доме два двора — большой и малый, и десять подъездов: пять в большом дворе и пять — в малом. В большом дворе разбит сквер со скамеечками. Там же растёт старый тополь с толстым, наклонившимся к солнцу стволу. Многие московские тополя разрастаются вширь и вкривь и к старости часто заваливаются на подпирающие их ограды, а иногда и на припаркованные во дворах авто. Арка ворот выводит из двора к аптеке на улице Качалова.

Малый двор проходной. С одной стороны в доме сделана арка с воротами, ведущая на улицу Качалова. Другая сторона двора выходит на улицу архитектора Щусева, бывший Гранатный переулок. Дом отделён от переулка двухметровой металлической оградой с запёртыми обычно воротами и открытой для пешеходов калиткой. С левой стороны по улице Щусева дом граничит с затейливым особняком «Дома архитекторов», готическая крыша которого видна из окна нашей кухни. Напротив, немного дальше, красное кирпичное здание моей первой школы. Правее неё бывшая дворянская усадьба, в которой расположился Институт патентоведения. Справа от дома, по соседству, расположено отделение милиции, окна которого выходят тут же во двор, на остатки детской площадки с обязательными горкой, лесенкой и железной перекладной от качелей. Сами качели, сделанные из железных труб, кто-то неведомый регулярно завязывает узлом, нисколько не смущаясь близостью милицейского участка.

Дом начали строить в 1932 году для служащих аппарата ВЦИКа — вотчины знаменитого «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Он и сам бывал тут впоследствии, посещая время от времени двух своих особенно любимых сотрудниц. С одной из них, Софьей Васильевной, к тому времени симпатичной маленькой старушкой, мне выпало познакомиться. Жила она в небольшой двухкомнатной квартирке в седьмом подъезде на третьем этаже, была очень приветлива и любила приглашать нас с бабушкой в гости на плюшки с чаем.

Собственно, и наша квартира была получена бабушкой, работавшей юрисконсультom там же, во ВЦИКе. Вероятно, она была не очень важным и ответственным сотрудником, потому что квартира ей досталась тесная, двухкомнатная, на самом верху в крайнем подъезде на кончике той самой длинной палочки латинской буквы «h». Но в те времена многие семьи жили в подвалах и коммуналках, так что грех было бы жаловаться.

Сначала построили часть дома с подъездами четвёртым, пятым, шестым, седьмым и восьмым. Потом пристроили часть дома вдоль улицы Щусева с подъездами девятым и десятым. И только в 1938 году достроили главную, фасадную часть дома с подъездами первым, вторым и третьим. В том же 38-м некоторые жильцы дома, работавшие в Кремле и во ВЦИКе, бесследно исчезли, а их квартиры заняли новые квартиросъёмщики. В отличие от «Дома на набережной», никаких мемориальных досок в последовавшую «оттепель» на доме не появилось. Не великие, вероятно, были должности: библиотекарь, экономист, завхоз...

В первых трёх подъездах квартиры были большие, трёхкомнатные, с высокими потолками. В конце сороковых поселился в одной из квартир лётчик-генерал Василий Сталин, сгинувший потом в городе Горький по воле Хрущёва. В дальнейшем здесь жили всякие значительные люди: заместители министров, народные артисты, архитекторы, художники и военные. В первом подъезде, если повезёт, можно было встретить самого Аркадия Исааковича Райкина, знаменитого артиста советского сатирического искусства. Во втором подъезде живёт внучка писателя Максима Горького, актриса театра имени Г. Вахтангова Дарья Пешкова.

В нашем дворе на первом этаже подъезда номер шесть проживает молчаливая седая стройная женщина. Она иногда курит, сидя на скамейке напротив подъезда, и всегда рассеянно отвечает на моё «Здрасьте», когда я прохожу мимо неё из школы домой. Зовут её Клавдия Половикова. Как мне удалось подслушать из взрослых разговоров, она приходит-ся матерью знаменитой артистке кино Валентине Серовой и сама, оказывается, тоже была до войны актрисой Малого театра, а потом Театра им. Маяковского.

В девятом подъезде, в большом дворе, живёт грустный светловолосый мальчик Серёжа. Все во дворе его жалеют, потому что совсем недавно умерла его мама — актриса театра Красной армии Людмила Фетисова. Это она играла знаменитую девицу-гусара в спектакле «Давным-давно», по которому позже снял фильм кинорежиссёр Эльдар Рязанов.

В десятом подъезде на первом этаже обитает мамина подруга Оксана. Её мать, скульптор Слоненко, по воскресеньям занимается с нами, мелюзгой, рисованием. Там я впервые постиг значение освещения, тени и перспективы. Сама Оксана красивая, много курящая женщина. У неё трое детей от трёх бывших мужей. Старший сын Сергей, ещё учась в школе, снимался у Сергея Бондарчука в фильме «Война и мир» и у Евгения Матвеева в фильме «Цыган». Он старше всех нас и на мелюзгу внимания не обращает.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о большом вкладе описываемого дома в советское кино, театральное и прочее изобразительное искусство, несмотря на его явное партийно-бюрократическое происхождение. К этому следует добавить, что и сам дом зачастую появлялся в кинофильмах.

Так, в начале 80-х в большом дворе появилась многочисленная съёмочная группа. Была осень, снег ещё не выпал, поэтому на газоны насыпали какого-то белого порошка, дворовые помоечные баки отодвинули подальше от камер, и высокий нервный красавец в шарфе начал командовать актёрами, уютно расположившимися на капитальной лоджии второго этажа. Снимали раннюю весну в фильме «Покровские ворота». При этом никого не смущала близость других ворот — Никитских.

Сергей Павлович Винник, кандидат наук, работал в компьютерной индустрии Кремниевой долины, публиковался в русскоязычных газетах «Кстати», «Восток-Запад» и журнале «Горожанка». В соавторстве с Игорем Штутманом написал два приключенческих романа «Левиты и козны» и «Генетический код, или Эффект бутылочного горла».

Книга «Когда-то у Никитских ворот» Сергея Винника рассказывает о жизни московской студенческой молодёжи в 70-е годы прошлого столетия, о дорогих автору Никитских, Бронных и Патриарших. Читатель найдёт в книге истории о походах в горы, о спектаклях театра на Таганке, о стройотрядах и движении самодельной песни.

По отзыву писателя Владимира Соловьёва-Американского, «портрет героя повести превращается в портрет того времени».

ISBN 979-8-89814-548-4

9 798898 145484